

данными и документами: Маркович и Кэрк как будто считают себя обязанными, в качестве критиков, не отказываться от допущения, что свидетельства ложны (намеренно или нет), покуда другие бесспорные документы или источники не подтвердят обратного, но последние могут во многих случаях отсутствовать из-за неполноты имеющейся у нас информации. При рассмотрении вопроса об истинности или ложности свидетельства, я считаю, что критику следует доказывать предполагаемую им ложность, а не требовать от свидетельств доказательств своей собственной истинности. В суде доказать виновность обвиняемого должно обвинение, от первого же не требуют доказательств его невиновности, если то, в чем он обвиняется, не доказано» (стр. CLVIII). (Ср. подобное же высказывание У. Гасри, приведенное в ВДИ, 1970, № 4, стр. 169 сл.)

Именно этот здравый подход и лежит в основе всей методологии Мондольфо, приведшей его к мнениям, порой прямо противоположным тем, которые бытуют ныне среди гераклитоведов; именно исходя из такой позиции защищает он достоверность и ценность свидетельств Платона, Аристотеля и других, аутентичность многих отвергаемых фрагментов, правильность древних сообщений о теориях «всеобщего течения» и «мирового пожара», в авторстве которых отказано Гераклиту. Разумеется, в каждом конкретном случае необходимо удостовериться в том, правильно ли им поняты и интерпретированы те или иные свидетельства: хорошая методология еще не полная гарантия от ошибок. Но она несомненно гарантирует одно: ни единое сколько-нибудь важное свидетельство не пройдет незамеченным, а раз так, то и информация в нашем распоряжении будет богаче, а результаты ее использования — плодотворней.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов и о другом замечательном свойстве подхода Мондольфо к наследию Гераклита, а именно — о поразительной добросовестности, с которой он считает своим долгом подробно изложить мнения и аргументы других исследователей и извлечь из них максимум пользы, даже если они коренным образом расходятся с его собственными взглядами, и о той ненавязчивости, с которой он предлагает свои решения, о той терпимости, с которой он критикует чужие мнения. Лучшим примером этого может послужить следующее заявление, которым Мондольфо заканчивает короткое предисловие к рецензируемому труду. Сообщив, что издание фрагментов пришлось поручить М. Марковичу, он добавляет: «Тот факт, что наши мнения и выводы относительно многих и немаловажных проблем интерпретации и оценки текстов расходятся, не явился препятствием для такого сотрудничества. Наши расхождения гораздо яснее выступают из самих наших высказываний и споров. Но мне представляется, что именно при трактовке мысли человека (Гераклита), возбуждающего столько разногласий, как раз и следует дать читателю возможность услышать звучащее „двух разных колоколов“ и тем самым позволить ему живее осознать противоречия, царящие в лагере толкователей его учения.

Вот почему мы надеемся подвести таким путем читателя к более адекватному пониманию гераклитовской проблематики и, заодно, преподать ему пример взаимного уважения людей, придерживающихся различных точек зрения» (стр. VI—VII).

Побольше бы таких примеров.

С. Н. Муравьев

F. SCHACHERMEYR, Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode, Wien, 1970.

История знает немало случаев, когда на первый взгляд мелкие и весьма несущественные обстоятельства способствовали развязке крупных событий. Таким именно обстоятельством была ранняя смерть Александра Македонского. Интересная работа Фрица Шахермейра убедительно показывает, что столь быстрое крушение замыслов Александра, последовавшее за его смертью, в значительной степени обусловлено было

действием центробежных тенденций. Вскрыть и продемонстрировать все тонкости политической ситуации, сложившейся к лету 323 года до н. э. в Вавилоне — задача не из легких, поскольку наши сведения о вавилонских событиях того времени довольно скудны и противоречивы. Шахермейр, охватывая весь имеющийся материал, пытается с присущей ему источниковедческой точностью восстановить последовательность и взаимосвязь политических событий в Вавилоне. Среди массы книг, посвященных за последнее время Александру, книга Шахермейра выделяется тем, что это, пожалуй, единственная монография по широте затронутых в ней вопросов¹.

Работа делится на две части: в первой исследована политическая деятельность царя в Вавилоне вплоть до его кончины, во второй говорится о борьбе диадохов при разделе наследства Александра. Автор описывает жизнь вавилонского двора Александра, место действия разыгравшихся событий, знакомит читателя с правовыми нормами и представлениями, которыми руководствовались тогда македонские военачальники, ставя своей конечной целью захват верховной власти. Все изложение сопровождается глубоким анализом источников.

В первой главе подробно говорится о ближайшем окружении Александра, о находящихся тогда в Вавилоне македонских, греческих и иранских сановниках. Все эти сведения помогают автору перейти в дальнейшем к более общему вопросу о расстановке политических сил и служат отправным пунктом для целого ряда существенных выводов. Так, впоследствии окажется чрезвычайно важным то обстоятельство, что Кратер был отправлен в Македонию во главе 10-тысячной армии (Arr., VII, 12, 3 сл.) и численность македонян в войсках Александра значительно уменьшилась.

Далее автор дает описание различных настроений при дворе, ставит вопрос о политических направлениях и группировках. Особенно Шахермейр отмечает заметное усиление проазиатских тенденций: поборниками их, с его точки зрения, были Певкест, Селевк, Евмен и Питон. Однако аргументация в пользу такого наблюдения представляется не во всех случаях убедительной, поскольку автор основывается при этом на данных более позднего времени. Например, роль Селевка в этот момент была не столь значительной и влияние его было еще весьма ограниченным. Его позитивное отношение к восточной политике Александра вытекало из трезвого расчета: поддерживая официальную линию, он прежде всего имел в виду собственную карьеру. То, что Питон впоследствии стал сатрапом Мидии (Diod., XVIII, 3, 1) и стратегом Верхних сатрапий (Diod., XIX, 14, 1; 46, 2), отнюдь еще не означает, что при жизни царя он вынашивал «честолюбивые планы», так как этих высоких должностей он добился лишь после кончины Александра. Таким образом, не следует, очевидно, преувеличивать степень проазиатских настроений у некоторых полководцев или сановников македонского царя. И ссылка на совместное посещение восточного святилища Сераписа (Arr., VII, 26, 2) Певкестом, Питоном и Селевком во время болезни царя ничего не меняет. Если прибавить, что эти три сановника обратились к Серапису (Шахермейр, впрочем, совершенно правильно замечает, что речь не могла идти о Сераписе, так как вряд ли этот египетский бог столь рано укоренился в Вавилоне — см. стр. 24, прим. 42) не одни, а в сопровождении еще четырех лиц, то это достаточно убедительно противоречит тезису автора о ярко выраженном сплочении трех сановников провосточной ориентации.

С другой стороны, автор знакомит нас с группой (стр. 25), образовавшейся вокруг Пердикки, представителя промакедонской линии и, по мнению Шахермейра, самого замечательного из военачальников Александра². Безусловный интерес представляет

¹ Работы Эррингтона, Босворта и Тойнби освещают проблему лишь частично: R. M. Errington, *From Babylon to Tripuradeisos: 323—320 B. C.*, JHS, XC, 1970, стр. 49—78; A. B. Bosworth, *The Death of Alexander the Great: Rumour and Propaganda*, ClQ, XXI, 1971, 1; A. Toynbee, *Some Problems of Greek History*, Oxf., 1971, стр. 441—487.

² Ср. Nep., Eum. II, 2: *summa rerum tradita esset tuenda eidem, cui Alexander moriens anulum suum dederat, Perdicae*; см. также Diod., XVIII, 25: *Περδίκης... προέθηκε βουλὴν πότερον ἐπὶ τὴν Μακεδονίαν χρῆσθαι στρατὸν ἢ πρότερον ἐπὶ τὸν Πτολεμαῖον ὀρμῆσαι*. На наш взгляд, здесь содержится намек на то, что Пердикка отнюдь не стремился к войне, как это ему иногда приписывают. «Война на два фронта» (H. Bengt-

вывод автора о том, что долгие годы существовало известное разногласие между сторонниками «национально»-македонской линии Филиппа и приверженцами идеи политико-культурного единства Запада и Востока, однако полностью согласиться с этим можно лишь при условии определенных оговорок. Справедливо упоминая в этой связи имена и трагические судьбы Филоты, Пармениона и Клита (стр. 23), Шахермейр совершенно упускает при этом, что речь в действительности идет о реальной оппозиции высшего македонского военного руководства, выступающего против планов царя. Оппозиционные настроения или вснышки недовольства часто проявлялись в последние годы правления Александра. В этот период завершились основные завоевания, а внутренняя проазиатская линия в политике царя все более брала верх. И вот тут вскрылись истинные мотивы, из-за которых македоняне следовали за Александром. Главным образом их интересовала военная добыча и та власть, которую они могли получить в результате завоевания. Македоняне не могли примириться с возвышением царя по персидскому образцу, т. е. с его стремлением к неограниченному единовластию. Если же кто и проявлял свою приверженность к азиатским, весьма честолюбивым планам Александра, то в этом скорее обнаруживалось стремление отдельных лиц снискать расположение царя, а не определенная политическая направленность³. Если Шахермейр называет Евмена сторонником и азиатской и пердикканской группировки (стр. 26), то это следует понимать в том смысле, что Евмен всегда поддерживал официальную политику македонских царей; для него Пердикка был носителем царской воли даже тогда, когда тот стремился подчинить себе всю империю Александра. Пример Евмена, пожалуй, убедительнее всего свидетельствует о том, что принадлежность к той или иной группировке диктовалась не столько политическими планами, сколько трезвым расчетом в конкретной обстановке. Широкие замыслы могли быть присущи только единоличному властителю, располагавшему всей полнотой верховной власти. Военачальники же ради собственной безопасности вынуждены были придерживаться единства мнений. По существу, вывод автора может быть сведен к следующему: в противовес проазиатской позиции Александра подавляющее большинство приближенных, не разделявших стремлений царя, оказалось в русле промакедонской тенденции.

Особого внимания заслуживает вторая глава, в которой автор разбирает вопрос о роли должности хилиарха (стр. 31). Сделав ахеменидскую хилиархию исходным пунктом своих рассуждений, Шахермейр обоснованно, на наш взгляд, отвергает все предположения о том, что должность персидского хилиарха не отличалась от подобного же македонского поста. Совершенно справедливо он указывает на качественное различие этих двух монархий: ахеменидский царь возлагал всю полноту власти на своего хилиарха, Александр же стремился сосредоточить власть в своих руках. Поэтому он считал необходимым решать проблемы управления через своих греческих соратников: Евмен был начальником канцелярии (γραμματεὺς), Харес занимал важную должность εἰσαγγελεὺς. К чему это привело, когда на административный пост был назначен македонянин, нам хорошо известно из дела Гарпала. Назначение Гефестиона на должность хилиарха, несмотря на его македонское происхождение, было более удачным выбором Александра, поскольку Гефестион не пользовался большой популярностью и в то же время был одним из приближенных царя. Особенность македонской хилиархии, по

son, Griechische Geschichte, München, 1950, стр. 349) была ему навязана. Поэтому весьма спорно утверждение Бенгтсона, что «Пердикка... совершал самые бессмысленные поступки, какие можно было совершать в его положении», когда он отправился в поход против Птолемея. Следует учитывать, что Пердикка, невзирая на сложности египетского похода, о которых он, вероятно, знал, предпринял его с целью сохранить целостность империи. Показательно, что Птолемей впоследствии отказался от управления империей (D i o d., XVIII, 19—24), поскольку с самого начала был сторонником разделения власти.

³ Самые значительные проявления недовольства: дело Гарпала — D i o d., XVII, 108; недовольство македонян введением в войско персов — D i o d., XVII, 108; A r r., VIII, 1 слл.; мятеж в Опиде; замещение Антипатра на посту управителя европейской частью монархии Александра Кратером — A r r., VII, 12, 4—5 и D i o d., XVIII, 4 — об этом см. B o s w o r t h, ук. соч., стр. 112—136.

мнению Шахермейра, заключается в том, что при Александре она универсальна: не обладая реальной властью, хилиарх подобно alter ego выступает лишь в тот момент, когда это необходимо царю. Шахермейр убедительно показал, что Александр рассматривает хилиархию как специфическую должность, необходимую в той особой ситуации, которая сложилась в его эпоху. Нам хотелось бы продолжить эту мысль: вспыхивавшие время от времени заговоры или мятежные настроения среди полководцев по необходимости требовали сплочения всех верных царю лиц. Этой цели, по-видимому, и служило введение хилиархии, задуманной скорее всего на время, а отнюдь не навсегда. В этом плане симптоматично, что после смерти Гефестиона новый хилиарх не был назначен, и это подтверждает временный характер должности, продиктованный несомненно конкретной ситуацией.

Шахермейр видит в Гефестионе соправителя царя (стр. 36), ибо только этим объясняется тот факт, что по случаю его кончины Александр приказал погасить персидский царский огонь (Diod., XVII, 114, 1 слл.; Arr., VII, 14, 2 слл.): такая честь могла быть оказана только соправителем. Нам, однако, кажется, что суть соправления не в том, чтобы быть alter ego царя, функционировать, как выше указывалось, только в определенных моменты, и хотя формы соправления многообразны, тем не менее, институту соправления присущи довольно четкие нормы и определенная власть. В хилиархии же рассматриваемого типа о такой власти не может быть и речи, тем более что термин *συμβουλῆειν* предполагает известное разделение власти, что (это отмечает и сам автор) совершенно недопустимо для Александра. Аргументация Шахермейра, хотя и остроумная, ничего не доказывает. Погашение огня могло быть вызвано разными мотивами, могло быть просто символическим выражением особого почета. Ведь на большинство македонян подобные почести не могли произвести столь глубокого впечатления, как представляется автору, поскольку ко всем персидским обычаям они относились равнодушно или даже с пренебрежением (Diod., XVIII, 108; Arr., VIII, 1 слл.). Скорее всего почести, оказанные самому верному соратнику царя, имели целью пропаганду идей Александра о политико-культурном единстве Запада и Востока. Объявленный траур в связи с кончиной Гефестиона (Arr., VII, 14: «καὶ μέγα μὲν γένεσθαι αὐτῷ τὸ πένθος») наводит на мысль, что Александр действительно ощущал потерю Гефестиона столь глубоко потому, что лишился надежного соратника в чрезвычайно сложной обстановке.

При исследовании роли священного огня в жизни персов, Шахермейр в третьей главе проводит тонкий анализ всех имеющихся данных по этому вопросу и вновь возвращается к теме Гефестиона. Согласно Диодору (XVII, 114, 4), который сообщает, что Александр приказал потушить персидский огонь в связи со смертью Гефестиона вплоть до того момента, пока не совершится вынос тела, подобный обычай существовал у персов при погребении царей, и Шахермейр, опираясь на это, делает широкие выводы о политике, проводимой Александром. Он справедливо отмечает, что свидетельство Диодора основано на данных Клитарха, довольно сомнительного автора, который получал информацию из вторых рук, большей частью от лиц, осведомленность которых зиждилась на слухах. Нам же сообщение Диодора представляется недостоверным: слишком уж бросается в глаза, что царь якобы обращается ко всем жителям Азии, хотя вряд ли огонь персов почитался столь широко. Главное, однако, в другом. Автор, очевидно, не принял во внимание, что Гефестион умер в Экбатане во время местных празднеств (Arr., VII, 14, 1). Погашение царского огня персов здесь-то и оказывается уместным и не вызывает удивления. Приказание Александра можно рассматривать как соблюдение местных обычаев, а не как выражение нового общегосударственного установления. У покоренных персов не было оснований любить Александра, и потому смерть Гефестиона и погашение огня в его честь могли послужить демонстрацией реальных взаимоотношений в стране, поскольку невозможно доказать, что огонь был действительно погашен персами ради македонянина. На определенный оттенок принуждения указывает и употребление Диодором глагола *προσέταξεν*, который противопоставляется выражению *τοῦτο δὲ εἰώθεσιν ... ποιεῖν*; это выражение передает момент законности, а *προσέταξεν* здесь было бы лишним, если бы второе сохранило свое

реальное содержание для настоящего времени, в частности и в отношении македонян. Было бы интересно узнать, каким образом поступили персы после кончины Дария III, не был ли погашен священный огонь навсегда. Рассуждения Шахермейра остаются лишь гипотезой. Но поскольку сведения обо всем этом весьма скудны, следовало бы сказать также о том, что Персии не была уготована роль центра монархии, даже тело Гефестиона перевезли в Вавилон (Агг., VII, 14, 8), где Александр намеревался на первых порах обосноваться (Strabo, XV, 731). Дальнейший ход событий подтвердил, что Персия была самой неустойчивой частью империи и уже при Селевкидах вышла из состава их государства.

Итак, выводы, сделанные автором из факта погашения царского огня персов, нам представляются малоубедительными, поскольку уже в соседней Вавилонии этот акт утрачивал свое значение. В пользу нашей точки зрения свидетельствует и то, что при Селевкидах подобные акты не имеют места, хотя у персов было больше оснований почитать таким образом Селевка Никатора, жена которого была их соотечественницей (Агг., VII, 4, 6). Этот обычай мог быть соблюден также в отношении Антиоха Сотера, который много сделал для эллинизации персидских земель. Кстати, даже самому Александру, умершему в Вавилоне, не были оказаны подобные почести. В целом наши выводы можно свести к следующему: политика Александра в отношении местного населения диктовалась конкретной исторической обстановкой и использованием туземных обычаев скорее в политическом, нежели в законодательном смысле. Приписывая Александру умение вводить в столь сложной обстановке конкретные государственные установления, Шахермейр, с нашей точки зрения, явно переоценивает возможности македонского царя.

Во втором разделе книги исследуются вопросы государственного устройства сразу же после смерти Александра. Значительное место занимает глава, связанная с историко-ведческими проблемами данной темы (стр. 81 слл.). Автор на основании анализа источников определяет две линии предания — Клитарха (для Курция Руфа) и Гieronима Кардийского (для Арриана и Дексиппа) — и обе для Юстина Трога. Ограничиваясь указанием на общие результаты этого анализа, отметим особую ценность историко-ведческого очерка Шахермейра, который может быть предметом специального исследования. Кроме того, Шахермейр предлагает убедительную реконструкцию событий, что еще раз подчеркивает оригинальность этого очерка.

В главе, где автор реконструирует ход событий (стр. 134 слл.), следует отметить несколько частных моментов: на стр. 136 Шахермейр отвергает сообщение Клитарха — Курция о том, что во время первого тронного совета сановников Александра, когда столкнулись различные группировки, якобы решающим стало выступление представителя народа (Curt., X, 7, 8: «...caeterum haec vulgi erat vox, principum alia sententia»). Вряд ли в данной ситуации подобный случай мог иметь место, поскольку решение вопроса о наследстве представляло собой не что иное, как компромисс между Пердиккой и Птолемеем, т. е. между принципами старомакедонского регентства и разделения власти четырьмя лицами.

Следующее замечание касается реконструкции обстановки, сложившейся ко времени объединенного собрания войска: на стр. 137 автор пишет, что после изгнания Мелеагров гетеров в Вавилоне была восстановлена обычная «правительственная практика»; в это же время изгнанные гетеры осадили Вавилон и таким образом принудили Мелеагра к переговорам, приведшим в конце концов к объединенному собранию войска. Это собрание состоялось, по Юстину, «posito in medio Alexandri corpore» (Just., 13, 4, 4). Здесь вызывает сомнение следующее обстоятельство: вся описанная выше последовательность событий создает впечатление, что речь идет не о 2—3 днях, а о более длительном промежутке времени. Уже сообщение о правительственной практике (принятие посольств, издание декретов — Curt., X, 8, 8—10; Plut., Eum. 3, 2) не внушает достаточного доверия, поскольку, во-первых, Вавилон был осажден гетерами, а во-вторых, подобная деятельность не может быть развернута в течение нескольких дней, к тому же новый царь (Арридей) был неопытен в делах. К сожалению, у Шахермейра нет в данном случае указаний на продолжительность сроков. Если верить Юстину и учи

тивать время года, то гипотетичность широко задуманной реконструкции Шахермейра очевидна. Представляется, что сообщениям о возобновлении правительственной практики не стоит доверять, а период, в течение которого развивались эти события, следует сократить до минимума. Стоит еще указать на нейтральную позицию остававшейся в городе группировки Пердикки. Все это говорит в пользу краткости сроков осады и нового объединения.

Что же касается вопроса о принятых на объединенном собрании решениях, то хотелось бы сделать некоторые замечания по поводу соправительства еще не родившегося сына Роксаны (Агг., сусс. 1; Dexippos, F 8, 1; Just., 13, 4, 3). Дело в том, что один из самых оригинальных и подлинных источников того времени — Вавилонская клинописная хроника (BM 34 660; BM 36313)⁴ — не подтверждает сведений о существовании этого соправительства. Датировка здесь идет по годам Филиппа Арридея, имя Александра не названо; только после смерти Филиппа в хронике говорится о царствовании Александра. С этим вряд ли согласуется понятие *συνβασιλεύειν*, хотя и не исключено, что хроника отражает не юридическое, а фактическое положение вещей; вспомним, однако, что даже на клинописных документах хозяйственного типа всегда отмечается соправительство. Чем же объяснить, что хроника опускает этот факт? Может быть, в данном случае мы имели дело с простым признанием права на престолонаследие за Александром IV, притом *συνβασιλεύειν* — лишь юридическое выражение этого права уже для взрослого Александра.

Хотелось бы выделить еще один момент, касающийся политики Пердикки. Назначением Селевка гипархом и Кассандра главой гипаспистов (Diod., XVIII, 3, 4; Just., 13, 4, 18) он стремился привлечь к себе людей, прежде не игравших видной роли; собственно говоря, Пердикка создавал себе партию приверженцев, состоящую из новых, зависящих от него и преданных ему лиц.

В этой главе даны великолепные характеристики искусной политической игры на собраниях и не менее красочно и тонко изображены отдельные личности, такие, как, например, Птолемей.

Важнейшая глава второй части книги посвящена разбору государственно-правовых отношений, вытекающих из вавилонских решений (стр. 149 слл.). Указывая на наличие в старой Македонии устного незафиксированного права и на необходимость создать после смерти Александра писаное государственное право для монархии, автор выдвигает на первый план свой основной вывод, который он делает исходя из анализа царских установлений. Шахермейр считает, что внести ясность в правовые отношения не удалось не только по объективным причинам, но и потому, что сановники предпочитали самостоятельность в ведении дел.

Сопоставляя целый ряд государственных установлений, Шахермейр обосновывает свой вывод следующим образом. Он начинает с разбора взаимоотношений царя и собрания войск. Этот орган утверждал престолонаследие каждого македонского царя. В данном случае нас интересуют цари, которые, будучи малолетними, вступили на престол. От их имени обычно управлял *ἐπίτροπος*, который нередко полностью присваивал себе царскую власть. Эта должность заключала в себе традицию, впоследствии использованную диадохами. Наличие этой традиции нам представляется свидетельством слабости македонской монархии.

Указывая далее на особенности состава собрания войск (имеется в виду развитие от находившегося под влиянием знати института к фаланге, выражавшей интересы Александра), автор отмечает зарождение в связи с неповиновениями армии в Индии и мятежом в Описе (Diod., XVIII, 93—94; Агг., 8, 1 слл.) первых подспудных демократических тенденций в армии, этом представительном органе македонского народа. Однако не следует ставить знак равенства между возмущением войск в Индии и мятежом в Описе. В первом случае можно согласиться с Шахермейром: действительно, здесь одержало верх собрание войск, но это произошло не в виде открытого бунта, а в рам-

⁴ S. Smith, *Babylonian Historical Texts relating to the Capture and Downfall of Babylon*, L., 1924.

ках закона. В Описе, однако, дело дошло до настоящей смуты, которая была направлена против походов Александра, против необходимой военной реформы. Не делая различия между этими двумя событиями, автор подводит под понятие демократии любое стихийное движение и не учитывает при этом явления, лежащие в их основе.

Собрание войск осуществляло и важнейшие судебные функции (стр. 153). Здесь вполне уместна параллель с клинописной хроникой времени диадохов, в которой титул LU.GAL.UKKIN «Великий (муж) собрания» употребляется в качестве термина для обозначения сатрапа; еще в старовавилонскую эпоху словом UKKIN — ruḫum называлось собрание, занимавшееся судопроизводством. В этом случае можно предположить, что мы находим в вавилонской хронике отражение того смысла власти сатрапов, который вкладывали в эту должность сами македоняне.

Любопытны и замечания автора относительно βασιλική δύναμις — той части армии, как полагает Шахермейр, которая находилась под непосредственной командой царя. По существу, она и была единственным решающим органом при утверждении престолонаследия. Однако и здесь следует отметить исключение, поскольку аккадская хроника диадохов сообщает, что Евмен действовал на Востоке, опираясь именно на эту βασιλική δύναμις, в то время как сам царь Филипп находился в Европе (BM 34660, стр. 13 лиц.). И по-видимому, только от политической ситуации зависело, какая именно часть войска именовалась таким образом.

Далее автор освещает роль тронного совета, который располагал правом совещательного голоса, в то время как царь решал дела по своему усмотрению. В этом отражен древний принцип совещательной auctoritas. Теперь же собрание войск не могло пренебрегать решениями совета. И поэтому краткая и ожесточенная борьба завершилась следующим компромиссом: 1) допускается коллективное управление империей, 2) гарантируется престолонаследие еще не родившегося сына Роксаны. Следует отметить, что Шахермейр весьма тонко оценивает сущность первого пункта: «Этим была создана предпосылка для постоянного беспокойства и ревности в этом органе, что было целью всех диадохов, думающих уже не об Александре, а о собственной доле наследия».

С нашей точки зрения, все сказанное выше характеризует недостаточность власти царя и отсутствие твердых правовых норм. Можно допустить, что компетенция тронного совета была шире, но при условии совместных действий с собранием войск. Представляется, однако, что при наличии выработанных понятий престолонаследия все попытки сторонников деления власти были бы затруднены. Поэтому нецелесообразной выглядит тенденция Шахермейера представить борьбу между пехотой и гетерами как результат взаимного нарушения существовавших правовых норм. По сути стремление к разделению было всеобщим.

В этой связи обращает на себя внимание истолкование автором терминов «покровитель» (προστάτης) и «опекун» (ἐπίτροπος) (стр. 160 слл.); Пердикка, по мнению Шахермейера, стал покровителем Арридея, поскольку автор считает, что он был ограничен в свободе действий, в то время как, будучи опекуном, Пердикка смог бы действовать без ведома царя. Юридическое объяснение этого положения нам представляется несколько искусственным, так как многие факты можно скорее всего объяснить исходя из реальной политической ситуации.

Таким образом, основной вывод Шахермейера о преобладании права сильного оправдан, однако при анализе отдельных понятий македонского права автор непоследователен в применении его к обстановке 323 г. до н. э. в Вавилоне. Попытка объяснить новый государственный порядок исходя из норм древнемакедонского права любопытна, но не во всех отношениях убедительна. Нам представляется, что вавилонские решения были по существу отражением представлений полководцев Александра, трезво оценивавших политическую обстановку.

В заключение автор уделяет большое внимание вопросам, связанным с соотношением простасии Кратера и хилиархии Пердикки. Первый обладал большим весом, однако то обстоятельство, что высшее военное командование — хилиархия — находилось в руках Пердикки, мешало возвращению Кратера в Вавилон. Шахермейр, описывая с большим мастерством все тонкости политической игры Пердикки, показал, как

умело пользовался тот обстановкой, настроениями солдат, расположенных больше к Кратеру, чем к нему, и менее всего к Мелеагру. Автор справедливо отмечает, что Пердикка, распределив компетенции хилиарха и исполняющего обязанности простата, создал на первый взгляд иллюзию демократического разделения власти. Фактически же неразрешимость некоторых существенных вопросов, связанных с верховным командованием и царским войском, с неизбежностью должна была привести к конфликтам. Поэтому автор склонен рассматривать борьбу до 321 г. отчасти как конфликт между двумя крупными военачальниками — Кратером (за его права) и Пердиккой (за сохранение достигнутого). Нам кажется, что с такой трактовкой первого этапа борьбы диадохов вполне можно согласиться, учитывая, что это лишь один из возможных вариантов интерпретации. Ценность книги Шахермейра еще и в том, что она побуждает к размышлениям: не стал ли Александр при жизни помехой для своего окружения, не были ли обречены на гибель старая македонская монархия и ее армия? Вовсяком случае не подлежат сомнению три бесспорных факта: 1) обострение политической обстановки в последний год правления царя, 2) полный отказ соратников Александра от его политики сразу после его кончины, 3) использование версии об отравлении царя в пропагандистских целях различными группировками ⁵.

Б. Функ

⁵ Об этом см. B o s w o r t h, ук. соч., стр. 112—136.

F. KIECHLE, *Sklavenarbeit und technischer Fortschritt im Römischen Reich*, Wiesbaden, 1969, 188 стр.

Как уже не раз отмечалось в советской и зарубежной литературе, современная западная историография, особенно начиная с 50-х годов, проявляет значительный интерес к социально-экономическим аспектам истории античной Греции и Рима и, в частности, к одной из коренных проблем этой истории — проблеме рабства. В общих чертах все более и более определенно намечается внутренняя дифференциация западной науки о древнем мире по этому кардинальному вопросу, что ведет к утверждению новых точек зрения и концепций. Нельзя в связи с этим не отметить, и это показательно, неоспоримое влияние на ход этого процесса марксистской, и в частности советской, историографии античности ¹. Оно сказывается не только на формировании марксистского течения в западной историографии, но и в значительной степени на эволюции собственно буржуазной историографии, находя выражение и в полемических выступлениях некоторых ее представителей против ученых социалистических стран. В этом плане весьма характерна рецензируемая работа, изданная третьим томом уже известной советскому читателю серии «Исследования по античному рабству», предпринятой с 1967 г. комиссией по древней истории Майнцской Академии наук и литературы ².

Главной целью работы Ф. Кихле, по его собственным словам (см. предисловие и введение к книге), является «опровержение» марксистской точки зрения на рабство как на основную причину технического застоя в античном мире и, соответственно, экономического кризиса рабовладельческого способа производства. Точку зрения, с которой Ф. Кихле берется полемизировать, он понимает, мягко говоря, весьма своеобразно.

¹ Успехи ее сегодня уже не могут отрицать буржуазные историки, см. J. V o g t, *Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung*, Wiesbaden, 1965, стр. 54.

² Выходит с 1967 г., до которого работы этой тематики издавались в серии «Abhandlungen» Майнцской Академии. С I томом серии «Forschungen zur antiken Sklaverei» советский читатель уже знаком по рецензии Е. М. Штаерман (ВДИ, 1970, № 1, стр. 167—171) на кн. Н. C h a n t r a i n e, *Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenklatur*, Wiesbaden, 1967.